

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Автор: Р. Ф. ТУРОВСКИЙ

(Концептуальные основы исследований)*

Электоральное пространство и его структура

Для исследований регионального измерения электорального процесса важно уточнить понятие "электоральное пространство" и его пространственной составляющей. Нередко под электоральным пространством подразумевают конфигурацию политических сил в связи с выборами. Однако в ней нет собственно пространственной составляющей, нет атрибута протяженности. Целесообразно использовать понятие "электоральное пространство" именно в географическом смысле, но при этом ни в коем случае не отрывая его от политической ситуации.

Вместе с тем нельзя упускать из виду, что в выборах принимают участие люди, а не территории. Тогда как в научной литературе часто можно встретить ссылки на то, что регион, территория, "голосует" определенным образом. На уровне конвенциональных допущений можно позволить использование таких формулировок. Однако при этом следует рассматривать регионы в качестве территориальных сообществ, обязательно подразумевая "наполнение" территориальных ячеек людьми, которые и принимают электоральные решения.

В основном региональными исследованиями электоральных процессов занимается электоральная география [Gudgin, Taylor, 1979]. Эта наука развивается на Западе с начала XX в. (экологический подход А. Зигфрида). В России она появилась в конце XX в. В зарубежной научной литературе известны острые дискуссии по поводу роли электоральной географии и ее реальной научной ценности [Taylor, 1989]. Распространена точка зрения, что электоральная география занимается преимущественно описательными характеристиками, без объясняющих методик и в отрыве от политологии.

В настоящее время существует огромная потребность в междисциплинарной интеграции региональных исследований электорального процесса, которыми в отрыве друг от друга занимаются политологи, социологи и географы. Необходима интеграция подходов, существующих в культурологии, поскольку электоральное поведение в значи-

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект N 03 - 06 - 80087).

Т у р о в с к и й Ростислав Феликсович - кандидат политических наук, генеральный директор Агентства региональных исследований.

тельной мере зависит от культурных особенностей территориальных сообществ. Если пытаться идентифицировать научное направление, занимающееся региональным измерением электорального процесса, то здесь возможны два пути, имеющие право на существование. Первый - создание существенно обновленной электоральной географии в прямой связи с перечисленными выше гуманитарными дисциплинами. Второй - усиление регионального направления в политологии с обязательным использованием методов и подходов, заимствованных из географии, политической социологии и культурологии (аналог политической регионалистики, который можно назвать электоральной регионалистикой).

Электоральное пространство в первом приближении имеет два измерения - социокультурное и региональное. Нельзя изучать региональные особенности электорального процесса как таковые без одновременного и параллельного рассмотрения социокультурных закономерностей голосований. В рамках социокультурного измерения целесообразно рассматривать две его составляющих - социальную и этнокультурную.

Главным элементом электорального пространства являются территориальные сообщества (также говорят о локальных сообществах, имея в виду менее крупные и более компактные, коммуникационно единые и структурно однородные сообщества). Под территориальным сообществом понимаются люди (для нас важен электорат), населяющие территорию с определенными границами.

Существует таксономия территориальных сообществ, которая определяется в зависимости от правила генерализации. Территориальные сообщества представляют собой аналог "матрешки", более крупные (и, следовательно, менее однородные) включают в свой состав менее крупные (более однородные). Количество таксономических уровней может быть разным, но нередко его привязывают к количеству уровней административно-территориального деления, условно связывая территориальные сообщества с административно-территориальными единицами разного порядка.

В то же время, несмотря на активное использование в электоральных исследованиях административно-территориальных единиц (формальных регионов), серьезное исследование требует определения реально существующих территориальных сообществ, которые действительно имеют ярко выраженную электоральную специфику. Для этого имеется процедура электорального районирования. В таком случае важным результатом исследования становится определение электоральных районов - неформальных регионов, не обязательно привязанных к административно-территориальному делению. Каждый электоральный район характеризуется определенной электоральной культурой, которая также должна быть выявлена и объяснена.

Электоральная культура - понятие более узкое в сравнении с распространенным в политологии понятием "политическая культура". Электоральной культурой можно назвать особенности политической культуры, а также политического поведения и политического участия избирателей в процессе избирательных кампаний. Дискуссионной остается правомерность выделения региональных политических культур. Известно, что в классическом исследовании, проведенном Г. Алмондом и С. Вербой, политическая культура соотносилась со страновым уровнем [Almond, Verba, 1963; The Civic... 1989]. Хотя надо заметить, что в мультикультурном обществе, прежде всего в поликонфессиональном, возможно сосуществование действительно различных политических культур в рамках одной страны. Однако в более однородных обществах правильнее говорить о межрегиональных различиях политической культуры. При этом условно региональные особенности политической культуры можно описывать с помощью понятия "региональная политическая культура". Аналогичное допущение целесообразно и для понятия "электоральная культура", что позволяет оперировать региональными электоральными культурами. Ярко выраженные и отличные от других особенности электорального поведения определенных территориальных сообществ можно называть электоральными культурами.

Каждая территория, или точнее, каждое территориальное сообщество, определенным образом позиционировано в системе координат электорального пространства -

как в региональном, так и в социокультурном измерении. Обычно электоральное исследование оперирует формальными регионами - как административными единицами, так и специально определяемыми избирательными округами, в рамках которых организуются избирательные кампании и представляются официальные результаты выборов. Условно для начала исследования формальные регионы можно считать территориальными сообществами. Однако это действительно большая условность, поскольку формальный регион не обязательно един с точки зрения электоральных характеристик (оговорюсь, единство не всегда означает однородность, единообразие, скорее, имеется в виду устойчивое сочетание электоральных характеристик на местности). И наоборот, возможны и обычно существуют группы близко расположенных формальных регионов с идентичными электоральными характеристиками. Поэтому, отталкиваясь от формальной сетки, важно ставить перед собой поисковую задачу по определению электоральных районов и их электоральных культур.

Позиционирование территориального сообщества в социокультурном измерении электорального пространства означает наличие у него определенных социальных и этнокультурных характеристик. Социальные характеристики определяются разделением труда и управленческих функций, что в свою очередь ведет к формированию различных и зачастую противоречивых политических интересов, связанных с отдельными социальными группами. С этим напрямую связаны политика и в частности формирование партийной системы.

Голосование территории зачастую оказывается проявлением голосования доминирующих социальных групп. Именно по этой причине следует рассматривать социокультурное и региональное измерения электорального пространства одновременно и параллельно. Территориальное сообщество с доминирующей социальной группой, имеющей притом ярко выраженные партийно-политические предпочтения, голосует в связи именно с социальными характеристиками и вне зависимости от географического положения. В таком голосовании нет ничего специфически "регионального". Для этих случаев можно использовать определение "социально-географические сообщества". К такому понятию часто приходят, изучая электоральную микрогеографию, которая оперирует более компактными и гомогенными сообществами. Это могут быть, например, рабочие или "богатые" кварталы внутри города.

Аналогичные ситуации связаны с влиянием этноконфессиональных характеристик. Можно говорить об этногеографических сообществах, голосования которых определяются политическими предпочтениями доминирующих этнических или конфессиональных групп. Такие сообщества связаны с этносами или с теми субэтносами, которые отличаются от основной части своего этноса иной религиозной принадлежностью.

Голосование социальных и этнических групп, по сути, экстерриториально, то есть не зависит от географического положения. Попросту говоря, доля этих групп в населении определенных формальных регионов влияет на итоги выборов. География оказывается простой формой репрезентации социальных или этнических различий между территориями. Такие ситуации, как показывает опыт электоральных исследований, наиболее распространены, поскольку политические интересы чаще связаны с интересами социальных или этнических групп, а их доля и влияние в конкретном регионе определяют межрегиональные различия голосований.

Однако важная роль социокультурного измерения в электоральном пространстве не отменяет необходимости изучения собственно регионального измерения. Географическое положение территории также влияет на ее голосование, хотя в разных странах это выражено по-разному. Огромную важность при изучении регионального измерения имеет региональная идентичность. Под ней понимается субнациональная идентичность, которая дополняет национальную, а в некоторых крайних случаях стремится ее заменить. Региональная идентичность может конфликтовать с общенациональной или с другими региональными идентичностями. Она может сочетаться с идентичностью социальной или этнической, но особенно интересны случаи, когда она перекрывает эти идентичности. Другими словами, когда происходит консолидация различных групп на

данной территории в связи с мощной региональной идентичностью. Таким образом, возможно выделение идеального типа чисто регионального голосования, обусловленного уже не социальными или этническими различиями территорий, а развитой региональной идентичностью и связанными с нею региональными интересами.

Региональное измерение электорального пространства имеет два направления -вертикальное и горизонтальное (их можно называть измерениями). Первое связано с формальным и неформальным статусом территориального сообщества в рамках данного государства, с отношениями типа "центр-периферия". Второе - с идентификацией данного территориального сообщества с помощью уникального географического названия.

Необходимо снять методологическое противоречие между "собственно географией" и ситуацией, когда география описывает межрегиональные различия, имеющие социокультурную природу. Наибольшие методологические проблемы связаны с "собственно географией". Существует парадокс: когда изучают географические особенности голосований все глубже и глубже, берутся за микрогеографию, то на самом деле приходят к социокультурной гомогенности и связанным с ней объяснениям. В пределе микрогеография приводит к просто отдельным избирателям (они ведь тоже имеют свое географическое положение, свое место жительства), которые делают свой вполне определенный выбор.

Получается, что дело не в глубине, а в характере географических исследований. Наиболее интересны географические границы относительной гомогенности, то есть гомогенные электоральные районы. Интересны также ситуации системной взаимосвязи различающихся, но типичных в своем сочетании внутри определенного сообщества голосований. Такие сообщества можно назвать сложносоставными. Исследования на макроуровне, то есть на уровне целой страны и ее достаточно крупных регионов позволяют понять территориальную структуру данной страны, что имеет большую научную ценность. На микроуровне постигается наличие или отсутствие четких связей между соседским сообществом и партийной системой. Возможны следующие ситуации.

Социокультурное измерение "сильнее" регионального.

Ситуация для территориального сообщества - электоральные различия между социокультурными группами в одном территориальном сообществе. Это ситуация внешне (географически) единого сообщества, но расколотого политическими противоречиями. Такое территориальное сообщество рассматривается условно (например, как формальный регион, по которому имеется электоральная статистика). Методология его изучения связана с определением системной взаимосвязи между голосованиями различных групп, конфигурации голосований в связи с социальной структурой.

Ситуация для социальной группы - консолидация социальной группы на общенациональном уровне вокруг определенной политической силы. Такая ситуация весьма распространена. Она связана с преобладающим влиянием социокультурного измерения на политическую систему по сравнению с собственно региональным. Следовательно, в рамках формальных регионов и географически компактных сообществ развиваются внутренние социальные противоречия, которые ведут к дроблению электората на части.

Региональное измерение "сильнее" социокультурного.

Ситуация для территориального сообщества - консолидация различных социокультурных групп в рамках одного территориального сообщества. В таком территориальном сообществе региональное измерение имеет большее значение, чем социокультурное, раз социальные противоречия становятся менее значимыми на фоне межрегиональных. Региональная идентичность способствует снятию социальных противоречий внутри территориального сообщества. Нередко такие сообщества стремятся к созданию собственных политических партий и движений.

Ситуация для социальной группы - различия в голосовании одной и той же социальной группы на разных территориях. Социальная группа не представляет единого целого на общенациональном уровне и распадается на региональные фрагменты, ориентиро-

ванные на определяемые региональным контекстом голосования своих территориальных сообществ.

Региональные особенности электорального процесса в любом случае являются продуктом структурирования социума. Следовательно, важно понимать, как происходит это структурирование.

Исследование региональных различий электорального процесса может быть операциональным при использовании подхода А. Лейпхарта. Отталкиваясь от разработок Г. Экштейна, Лейпхарт рассуждает о сегментации в обществе. Сегменты характеризуются различными политическими интересами. Согласно Экштейну, линии политического противостояния в обществе частично или полностью совпадают с линиями социального разделения. Как отмечает Лейпхарт, "сегментарные различия могут иметь религиозную, идеологическую, языковую, региональную, культурную, расовую или этническую природу" [Лейпхарт, 1997, с. 38].

Таким образом, сегменты могут иметь разное происхождение. Лейпхарт делает особый акцент на различиях этнокультурного характера. По его концепции сегменты могут быть и просто территориальными. В таком случае можно говорить о территориальных сегментах, на которые распадается все общество или которые существуют в рамках этого общества наряду с другими. Территориальные сегменты - это территориальные сообщества, относительно однородные в своих политических требованиях, без внутренней поляризации. Либо их внутренняя поляризация условно считается незначимой для данной политической ситуации. С точки зрения голосований территориальные сегменты представляют собой однородные электоральные районы. Границы между территориальными сегментами могут совпадать с административными границами.

Однако территориальные сегменты - лишь один из нескольких типов сегментов, что возвращает нас к концепции электорального пространства как явления, имеющего множество измерений. Другие возможные типы сегментов связаны с социокультурным измерением электорального пространства. Это могут быть сегменты этнокультурные, а среди них - собственно этнические, конфессиональные, ярко выраженные субэтнические.

Говоря про сегментацию, не следует забывать роль социальных групп, что связано уже с классовой структурой общества, или его социальной стратификацией. Концепция сегментации, сформулированная Лейпхартом, недостаточна для понимания связи между социальным структурированием и межрегиональными различиями в результатах выборов. Здесь нужно использовать и концепции социальной стратификации. В случае некоторых стран возможно использование марксистского классового подхода (если там выражены классовая структура, типичная для индустриального общества, и обусловленные ею противоречия).

Раз с сегментами или иными подобными группами связаны линии политических противоречий, значит, каждый из них характеризуется своей моделью электорального поведения. В этой логике следует говорить о различных типах голосований, или шире - типах электорального поведения. Последняя оговорка вызвана тем, что электоральное поведение может быть как активным, так и пассивным (в последнем случае говорят про абсентеизм, неучастие тех или иных групп в выборах). Типы голосований обычно идентифицируют по партиям, за которые голосуют те или иные сегменты (социальные группы). Более операциональным считается подход, объединяющий близкородственные партии в кластеры, идентифицируемые по их идеологическим характеристикам (левые, либералы, консерваторы, националисты и т. п.).

Наличие однородных территориальных сегментов, консолидировано голосующих за определенные партии, - идеально типическая ситуация, притом довольно редкая, по крайней мере в западных либеральных демократиях. Такой сегмент должен отличаться абсолютным доминированием определенной социальной или этнокультурной группы, имеющей в общенациональном масштабе явные политические предпочтения (идеально типическое социально-географическое или этногеографическое сообщество). Либо местное население должно иметь ярко выраженную региональную идентичность и выступающую в его интересах политическую силу (идеально типическое региональное со-

общество, то есть территориальный сегмент в его подлинном смысле). С такими сообществами можно связать то, что в географии называют ядрами типичности, в нашем случае - территориями с действительно ярко выраженными электоральными доминантами (когда партия имеет поддержку, как минимум, двух третей избирателей, а то и 80 - 90%).

В действительности на территории наблюдается смешение различных групп даже в рамках компактных сообществ. Как правило, исследователь говорит на языке тенденций, сравнивая электоральные показатели отдельных территорий со средними по стране и выявляя более высокие или более низкие. На этом основании делаются выводы о том, к каким политическим силам больше тяготеют данные сообщества.

Существует "ловушка гомогенности" при изучении компактных территориальных сообществ. В реальности они могут быть гетерогенными по своей социокультурной структуре. Важнее, чтобы они характеризовались коммуникационным единством (то есть чтобы в их границах не происходила геттоизация определенных групп с нарушением принципа коммуникационного единства). Однако надо понимать, что коммуникационно единое, но социально гетерогенное территориальное сообщество будет соотноситься скорее не с голосованием за одну партию, а с определенной конфигурацией типов голосований. Это значит, что по сравнению со средним по стране уровнем одни типы будут выражены лучше, а другие - хуже. Соответственно, и под региональной электоральной культурой обычно понимают не доминирование определенного типа голосования, а некое сочетание типов голосований. Доминирование определенного типа голосования будет тогда частным случаем, связанным с отсутствием других типов голосований.

Концепции сегментации и социально-классовой стратификации позволяют понять особенности функционирования электорального пространства в его связи с политическим развитием общества. Далее необходимо ответить на вопрос, каким образом происходит деление общества на территориальные сегменты, или как все-таки формируется собственно региональное измерение электорального пространства?

Региональное измерение электорального пространства

Тема пространственной поляризации хорошо разработана в отечественной теоретической географии [Родоман, 1999]. Как уже говорилось, в региональном измерении можно определить два измерения - вертикальное и горизонтальное. Вертикальное связано со структурированием пространства на центры и периферии. Точнее, количество слоев может быть разным. Например, применительно к мировой системе американский ученый И. Валлерстайн предлагает говорить о трех слоях - центре (ядре), полупериферии (промежуточный слой, сочетающий характеристики ядра и периферии) и периферии [Wallerstein, 1979].

Поляризация, описываемая в рамках концепции "центр-периферия", составляет вертикальное измерение электорального пространства. Такая поляризация ведет к росту политических противоречий между территориальными сообществами, занимающими разные позиции в системе "центр-периферия" [Centre ... 1980]. Следовательно, различные сообщества, находящиеся на разных ступенях лестницы центров и периферий, вырабатывают свои электоральные культуры. Замечу, что политические противоречия между центрами и перифериями нельзя понимать только как противоречия между жителями столиц и окраин. Критерием является не только сама формальная столичность территории, но и возможности доступа различных территорий к центральной власти. Очевидно, что формальный центр управления страной необязательно может быть центром элитогенеза, откуда происходит правящая элита.

При использовании данного подхода не следует забывать о социокультурном измерении и связанных с ним различиях между центрами и перифериями. Например, во многих странах существует феномен этнических периферий (отношения между ними и центром описывает, например, концепция внутреннего колониализма М. Хехтера). Периферии часто отличаются преобладанием сельского населения, в то время как центры характе-

ризуются типичным для них сочетанием социальных групп. В чистом виде региональное измерение проявляется в том случае, если центры, с одной стороны, и периферии - с другой, делают сознательный политический выбор именно в силу региональных противоречий. Однако в региональном измерении нет необходимости всегда определять "чисто региональные" характеристики, искусственно "очищенные" от социокультурного содержания и связанные только с пространственными поляризациями как таковыми.

Поляризация пространства представляет собой не просто результат определенных процессов, но и процесс как таковой. Этот процесс наиболее точно описывается с помощью диффузии политических инноваций, которая показывает характер постепенного распространения новых политических явлений на территории [Hagerstrand, 1967]. Примером инновации может быть голосование за ту или иную партию, тот или иной тип голосования. Вообще диффузионизм призван объяснять пространственную поляризацию и связанные с ней диспропорции особенностями динамики социальных процессов в пространстве.

Условно следует выделить два типа пространственного структурирования в связи с вертикальным и горизонтальным измерениями - стратификацию и фрагментацию.

Многоуровневая стратификация (то есть деление на слои, расслоение) электорального пространства происходит в случае значимой поляризации общенациональной системы "центр-периферия". Она особенно характерна для стран с ярко выраженным единственным центром, на порядок превосходящим остальные. Обычно это страны со столицами доминирующего типа (Париж и т. п.)¹. В действительности таких идеально-типических ситуаций немного. Во многих странах складывается целая система инновационных центров первого порядка, один из которых - формальная столица.

Важная методологическая проблема связана с определением центральности и периферийности. Периферийность - не только физическое расстояние территории от формальной столицы. Физическое расстояние - один критерий, обычно не самый важный. Скорее, следует говорить о реальных расстояниях в соответствующей системе "центр-периферия". Для их замера необходимо использовать разнородные критерии периферийности, объединяя их вместе: управленческие (формальный политико-административный статус и статус неформальный - доступ территории к центральной власти, ее роль в формировании национальной элиты); социально-экономические (развитие территории в терминах экономической модернизации и передовой социальной структуры); исторические (принадлежность к историческому ядру или позднее присоединенным территориям); географические (физическое расстояние от центра и реальное расстояние, определяемое через замер транспортной доступности). При этом желательна максимально возможная квантификация этих критериев.

Исследование пространственной стратификации позволяет выделять большое количество слоев, уходя от примитивных биполярных схем "центр-периферия". Как минимум, оно позволяет провести более четкую границу между центром, полупериферией и периферией. В идеале необходимо выделение гораздо большего количества слоев.

Фрагментация электорального пространства связана с его делением на электоральные районы, хорошо выраженные на территории и имеющие более или менее четкие границы. При "горизонтальном" подходе мы исследуем "плоскую" территорию, раскрываем ее мозаичность, не обращая внимания на статусные различия, определяемые вертикальным измерением. Обычно у фрагментации два фактора - историко-культурные особенности территорий и их экономическая специализация. Возможно выделение еще двух факторов - природно-географического (природные барьеры, островные группы) и демографического (крупные сферы влияния определенных центров, достаточно консолидированные узловые районы).

¹ Хотя ведущие центры возможны и в странах со столицами американского типа. Реально доминирующие центры необязательно совпадают с формальными столицами.

Замечу, что вертикальное измерение размывает привычные границы, которые принято отображать на "плоской" карте, неспособной дать представление об иерархии отношений между территориями. Вообще для электорального районирования очень важна теоретико-методологическая проблема определения границ районов в условиях их обычной размытости. Решение этой проблемы достигается через использование ядер типичности и переходных зон.

В электоральном районировании основная операция - агрегирование территориальных сообществ с близкими типами голосований. Обычная операция - сравнение результатов голосований соседних территорий и принятие решений об их объединении в рамках одного электорального района или о проведении между ними электоральной границы. "Нежесткое" районирование, не предполагающее обязательно линейных границ, делает возможным отнесение территорий к ядрам типичности определенных электоральных районов или к переходным зонам между ними (при таком подходе границы из линейных становятся "полосными").

Но все же обычная географическая карта имеет существенный недостаток, поскольку не позволяет полноценно представить вертикальное измерение электорального пространства. "Картографический" подход тяготеет к поиску больших территорий, отображаемых в масштабе данной карты (крупные электоральные районы), и сталкивается с проблемами при изображении мелких "азональных" явлений. Для электоральной географии это огромный недостаток, поскольку плотное заселение и концентрация избирателей характерны как раз для небольших территорий - ядер, в то время как "большие" районы могут представлять собой слабозаселенную "пустыню". Этот недостаток особенно заметен при исследованиях на страновом уровне, когда пытаются выделить небольшое число районов, и многие плотнозаселенные ядра "потеряются" при неадекватно большом количестве районов с малым населением.

Оба измерения - вертикальное и горизонтальное могут быть даны на концептуальной карте в форме таблицы (которая, в свою очередь, дополняется географическими картами). На концептуальной карте показаны и основные страты, и основные фрагменты. Электоральные культуры конкретных территориальных сообществ определяются на пересечении фрагментов и страт, то есть при определении реального позиционирования данного сообщества как в системе центров и периферий, так и в системе неформальных регионов.

Партийная система и расколы электорального пространства

Теперь следует ответить на вопрос, зачем нужно изучать региональные особенности электорального процесса. Выборы - мощный фактор структурирования территории. Они (хотя и не только они) и отображают, и создают неформальную политическую структуру национального пространства, далеко не во всем соответствующую формальной структуре в лице административно-территориального деления. Эта неформальная структура связана с электоральными районами, которые, в свою очередь, отображают субнациональные различия политической культуры и политического участия. Следовательно, региональные электоральные исследования выявляют пространственную структуру общества и ее отражение в политической жизни страны. Причем речь идет о взаимовлиянии политической системы и пространственной структуры. Последняя отражается в результатах выборов, но в то же время политики стремятся управлять этой структурой в интересах своих партий.

Партийная система связана с расколами, существующими в обществе. Наряду с концепциями сегментации и социальной стратификации здесь большую ценность имеет концепция расколов С. Роккана и С. Липсета, доказывающих, что партийная система выстраивается вокруг этих расколов [Rokkan, Lipset, 1967; Rokkan, 1970; 1983].

Во-первых, анализируя связь между партийной системой и расколами, замечу, что уровень социокультурного и регионального многообразия в каждой стране свой. Отсюда большее или меньшее число сегментов или социальных групп, потенциально стремя-

щихся к созданию своих партий. Во-вторых, существующее многообразие соотносится со сложившейся партийной системой. Ведь ситуация, когда каждая особенная группа создает свою партию, не столь распространена. В партийных системах с малым числом партий происходит интеграция различных групп в процессе агрегирования их интересов. В итоге в пределах одной партии и, соответственно, территории с ее доминированием оказывается больше различных голосующих за нее групп и связанных с ними мотиваций. Если партий много, то выше уровень "политической специализации" каждой из них, что, в свою очередь, означает формирование большого числа узкоспециализированных партий. Одна из ловушек "простой" электоральной географии состоит в том, что в первом случае электоральная карта страны кажется очень простой, а во втором - более сложной. Хотя на самом деле уровень многообразия политических интересов может быть одинаковым. Проблема появляется из-за того, что для стран с более "простой" электоральной картой, отражающей внешнюю простоту партийной системы (например, двухпартийной), необходимо изучать межрегиональные различия мотиваций при голосовании за каждую партию. Это позволяет уточнить структуру электоральных районов и связанных с ними электоральных культур.

Кроме того, изучение отдельных партий и кандидатов может быть недостаточным. Большую важность имеет кластерный подход к участникам выборов - их объединение по принципу политико-идеологической близости. Кластерный подход позволяет элиминировать сугубо организационные факторы и в максимальной возможной степени показать политико-идеологические ориентации сообществ, идентифицировав их не через названия партий и фамилии кандидатов, а через идеологические идентификаторы, которые одновременно являются идентификаторами типов голосований.

Итак, партийная система всегда связана с разнородными расколами и реальной сегментацией общества. Это, в свою очередь, определяет связь партий с территориями, имеющую двойкий характер: 1) связь партий с собственно региональными интересами; 2) связь партий с интересами социальных и этнокультурных групп, доминирующих в данном регионе. Партия, таким образом, связана или с доминирующим социокультурным интересом (тогда территория выступает как простая пространственная ячейка, "обычное" сообщество), или с собственно региональным интересом (в таком случае можно говорить о регионализированном сообществе, оказавшемся под влиянием процессов регионализации).

При этом отдельный интерес представляют регионализированные сообщества, отличающиеся ярко выраженной региональной идентичностью и связанными с нею региональными интересами. На этой основе формируется региональная идея - совокупность характерных для данного региона политических и социокультурных воззрений, определяющих место и роль региона в политическом пространстве данной страны и связанные с этим политические цели. Формирование региональной идеи - шаг к созданию более или менее полноценной региональной идеологии. Феномен региональных идеологий встречается не столь часто и далеко не во всех странах, но в условиях регионализации он развивается довольно активно. Процесс регионализации вызывает к жизни региональные партии, стремящиеся консолидировать территориальные сообщества в борьбе за определенные интересы.

Следует обратить внимание также на различия в региональной фрагментации голосований. Важная задача - выявление амплитуды межрегиональных различий в голосованиях, которая для разных стран и разных избирательных кампаний может сильно отличаться.

При этом партии с ярко выраженной региональной поддержкой не обязательно подпадают под строгое определение региональной партии. К последним относятся только партии, защищающие именно региональные интересы в условиях хорошо выраженной региональной идентичности, не имеющей этноконфессиональной основы. Это - идеальный тип региональной партии. Более распространен промежуточный тип, когда партии имеют ярко выраженную региональную поддержку, но при этом выражают интересы или этнокультурных групп (этнорегиональные партии), или доминирующих на данной

территории социальных групп (социально-региональные партии). Возможны и идеально-типические общенациональные партии, имеющие относительно ровную поддержку в большинстве регионов и опирающиеся на экстерриториальную по происхождению поддержку социальных групп.

Взаимосвязь структурирования электорального пространства и партийной системы в динамике можно представить в виде циклического процесса. Отправной точкой является наличествующая сегментация данного общества, включая территориальную. На ее основе формируется определенная партийная система со своей конфигурацией (характер и число партий, соотношение их сил). Формат этой партийной системы удобно описывать с помощью классификации партийных систем, предложенной Дж. Сартори. В процессе голосования возникает электоральное пространство определенной конфигурации. Сразу после выборов в зависимости от их результатов конфигурация партийной системы несколько меняется. За этим следует некоторое обновление сегментации в связи с попытками партий управлять процессом социального структурирования в своих интересах. Партии ведут работу с электоратом, привлекают на свою сторону новые группы. В этом процессе может опять измениться конфигурация партийной системы с появлением новых партий или сменой их идеологических доминант и групповых предпочтений. Далее начинаются новые выборы, итог которых - новое электоральное пространство.

Исследования выборов в разных странах позволяют говорить о наиболее типичных региональных расколах. Прежде всего это - раскол "центр-периферия", объясняющий значительную часть региональной поляризации электорального процесса. Вариант этого раскола - раскол "город-село", но в современных западных демократиях, прошедших через радикальную урбанизацию, он уже не столь актуален. Особое положение обычно занимают этнические периферии, противостоящие государствообразующему центру. Наряду с расколом "центр-периферия" значимыми становятся историко-культурные расколы, наиболее характерные для культурно разнородных стран со сложной историей формирования территории. Довольно часто эти расколы имеют хорошо выраженный географический формат типа "Север-Юг" или (реже) "Запад-Восток". Хотя возможна и более сложная, мозаичная геоструктура, которую трудно свести к столь простым расколам.

При изучении расколов важно дать оценку их значения, составить и своеобразный рейтинг; понять соотношение вертикального и регионального измерений (что важнее - вертикальная стратификация или горизонтальная фрагментация). Другой критерий оценки - сила противоречий между полюсами. Важно оценить общую значимость каждого раскола. В условиях всеобщего голосования ее позволяет установить количественная оценка полярных групп. Полезно определить четкость связи партий с полюсами, насколько полно и принципиально партии стремятся выразить интересы тех или иных групп.

При исследовании расколов вскрываются и чисто пространственные эффекты, не связанные напрямую с социокультурными особенностями полюсов. Например, распространенным явлением стало взаимное отталкивание конкурирующих центров и регионов, несмотря на схожие социокультурные характеристики. Сам факт пространственной поляризации и конкуренции стимулирует развитие разных форм политического участия. Большую роль играет также вопрос о доступе территориального сообщества к общенациональной власти. Наличие такого доступа ведет к усилению конформистских настроений, поддержки правящих партий. Напротив, его отсутствие усиливает оппозиционность.

Методология электорального анализа

На данном этапе методология исследований электорального пространства включает количественные и качественные методы, но требуется ее серьезное уточнение и развитие.

Самая простая методика связана с картированием электорального процесса, которое не стоит сводить к построению карт. Картирование предполагает сравнение статисти-

ческих данных по разным территориям, выявление характера и амплитуды межрегиональных различий и их описание. Язык карт и обычный язык взаимно дополняют друг друга, разными средствами описывая в первом приближении итоги выборов.

Однако за простым описанием должна следовать другая операция - объяснение, поиск устойчивых закономерностей. С этой целью широко применяется факторный анализ. Различные характеристики социума рассматриваются в качестве факторов, влияющих в той или иной степени на волеизъявление территориального сообщества.

Факторы могут быть основными и корректирующими. Основные создают главные особенности электоральной карты данного государства, они прямо связаны с сегментацией и партийной системой. Благодаря действию основных факторов обычно возникает феномен доминирования определенных партий на значительных территориях, возникают относительно гомогенные электоральные районы. Корректирующие факторы связаны с сугубо местными условиями. Их действие влечет за собой некоторое изменение электоральных показателей в ту или другую сторону, а иногда приводит к девиантному электоральному поведению. Определение этих факторов и их действия требует сфокусированных региональных исследований, знания политической ситуации на конкретной территории (регионального или локального контекста, в терминах Дж. Эгню - места как арены [Agnew, 1987]).

Главный количественный метод в региональных исследованиях электорального процесса - корреляционный анализ. Определяется линейная корреляция между электоральными показателями и различными квантифицируемыми характеристиками социума. Сами корреляционные ряды выстраиваются по территориальным ячейкам, по ним представляется электоральная статистика. Наряду с корреляционным анализом может применяться регрессионный анализ, позволяющий смоделировать голосование в виде уравнений и найти остатки регрессии.

Корреляционный анализ имеет свои достоинства и недостатки. С одной стороны, он позволяет с математической точностью устанавливать вес тех или иных факторов, выявлять наиболее важные факторы голосований. С другой стороны, электоральный выбор не может быть простой функцией статистических данных: между статистическим показателем и решением о голосовании находится "фильтр" электоральных мотиваций, решений, связанных с духовной сферой человека и не подлежащих квантификации. По этой причине значимых корреляций на самом деле очень мало. Кроме того, существует риск "статистического радикализма", когда автор начинает подбирать статистические показатели, не имеющие прямого отношения к принятию электорального решения, и если корреляции оказываются высокими, придумывать объяснения. И не следует забывать, что сами социально-экономические показатели зависят друг от друга. Поэтому нельзя механически "суммировать" найденные корреляции, объясняя голосование их сочетанием.

Экологическая корреляция, о которой говорят зарубежные исследователи [Taylor, Johnston, 1979], имеет сущностный изъян. Она ориентирована на исследование цифр, а не людей. Выявление значимой корреляционной связи - еще не основание для выводов, это всего лишь исследовательская гипотеза, нуждающаяся в верификации. В то же время обеспечить верификацию гипотезы корреляционный анализ не в состоянии. Для этого нужны социологические исследования, причем в идеале не только количественные, но и качественные (фокус-группы), позволяющие установить мотивацию голосования. Нужно не только математически "вычислить" значимый фактор, но и доказать его связь с электоральной мотивацией.

Корреляционный анализ нужно использовать очень аккуратно и при подборе статистических показателей. Их количество не должно быть большим (иначе возникает риск неправомерного суммирования получившихся корреляций, когда они говорят об одном и том же). Метод экспертных оценок должен дополнять метод подбора статистических показателей, обеспечивающих значимые корреляционные связи. С помощью экспертных оценок должны быть установлены показатели, действительно определяющие два ключевых фактора: или социальную структуру, или социальное самочувствие, то есть

наиболее близкие к процессу принятия электорального решения. Показатели социальной структуры важны, поскольку позволяют найти основные закономерности, связывающие голосование территории с позицией определенных социальных групп. Они на самом деле призваны доказать значимость социального измерения, то есть экстерриториальной составляющей. Показатели социального самочувствия могут объяснить усиление или ослабление голосования за правящую элиту или оппозицию в виде "прямой" реакции на текущую социально-политическую ситуацию (при допущении, что неблагоприятные территории больше тяготеют к оппозиции, что, кстати, не всегда доказуемо). При этом итогом исследования должно быть не перечисление выявленных значимых связей между конкретными "частными" показателями, а экспертная оценка связи между "макропараметрами": а) голосования и социальной структуры; б) голосования и социального самочувствия.

Количественные методы нацелены на анализ связи голосования территориальных сообществ с социально-экономической ситуацией. Квантифицируемые показатели - обычно социально-экономическая статистика. Корреляционный анализ устанавливает зависимость электоральной карты от социального измерения электорального пространства. За его рамками остается не только собственно региональное измерение, но и этнокультурное (если не ограничиваться простыми показателями доли этнических групп среди избирателей, с которыми можно считать электоральные корреляции).

Устранение этого недостатка возможно через построение более сложных, многофакторных моделей с большим числом переменных. Их достоинство в том, что одновременно с их построением можно определять вес различных факторов, вводить все новые параметры, добиваясь большей точности объяснений. Однако не все, что влияет на результаты голосований, можно представить в виде статистики. Следовательно, в "продвинутые" многофакторные модели должны обязательно вводиться экспертные оценки, связанные с этнокультурным и региональным измерением.

Избегать количественных методов ни в коем случае нельзя, надо лишь понимать, что сами по себе корреляции ничего не объясняют, а лишь служат одним из доказательств научных гипотез. Объять необъятное количественными методами, изучая социальные процессы, нельзя. Однако их последовательное использование позволяет получить "в остатке" собственно региональную специфику. Другими словами, увидеть то, что не может быть объяснено экстерриториальными факторами - социальной структурой и социальным самочувствием, и что объясняется местными особенностями. В "необъяснимом" остатке корреляционного анализа оказывается, таким образом, значение регионального и локального контекста, в котором происходят выборы. Это прежде всего политико-культурная сфера в виде влияния этнокультурных и региональных идентичностей, а также особенностей текущей политической ситуации на электоральный выбор. Перед исследователем встанет следующая задача - идентификации особенностей, не вписывающихся в построенную им многофакторную модель, либо дополнения построенной модели новыми экспертными оценками, представленными в виде балльных оценок.

Другой возможный путь связан с качественными или смешанными количественно-качественными методами. В нем есть своя логика. Качественные методы предполагают использование (или создание) региональных типологий. Прежде всего это культурно-географическое и социально-экономическое районирование, процедуры, хорошо известные географам. Качественное районирование позволяет разделить территорию страны на целостные, реально существующие образования со своими характеристиками. Притом заслуживают поддержки попытки комплексного (синтетического) социокультурного районирования, нацеленные на определение основной структуры неформальных регионов для данного государства. Это исследование выявляет не только районы, но и значимые территориальные расколы, особенности внутрискановой поляризации. Соответственно, интерес исследователя связан с изучением того, какие электоральные культуры характерны для выявленных экспертным путем неформальных регионов - "подозреваемых" территориальных сообществ со своими культурами. Оговорюсь, что такое исследование напоминает корреляционный анализ; получается неста-

тистическая корреляция географических паттернов - сопоставление карты неформальных регионов с картой голосований. Как и в случае количественной электоральной географии, проводится объяснение электорально-географических паттернов через связи с другими паттернами.

Но и для социальной географии, стремящейся определить базовое районирование страны, использование статистики все равно необходимо. Качественные методы позволяют делать более глубокие выводы, объясняя закономерности, полученные с помощью количественных методов. Ведь исследователь неизбежно проводит агрегирование различных количественных показателей, характеризующих социально-экономическую сферу, определяя границы социально-географических районов. Но ему недостаточно корреляций между частными показателями, он использует холистический подход и пытается представить территорию как целостность (с точки зрения количественных методов - как систему показателей). В то же время культурно-географическую основу все равно можно определить только с помощью качественных методов (хотя тоже не без статистики). Таким образом, качественные и количественные методы обязательно должны дополнять друг друга.

При этом за рамками такого комбинированного анализа пока остаются собственно географические факторы голосований, о которых говорят зарубежные исследователи, считая экологический подход явно недостаточным. Эти факторы могут быть определены логическим путем, но их действие доказано и на конкретных примерах (кроме того, с помощью балльных оценок они могут быть включены в сложные многофакторные модели). Таких факторов четыре: эффект друзей и соседей; эффект соседства; эффект избирательной кампании; проблемное голосование. На мой взгляд, нужна ревизия этих факторов.

Эффект друзей и соседей связывает голосование за партии или кандидатов с их территориальным происхождением. Избиратели склонны голосовать за своих земляков. В некоторых западных источниках показана также зависимость голосования за кандидата в небольшом округе от физического расстояния домов тех, кто голосует, от дома, где живет кандидат. Эти две закономерности не стоит смешивать. Вторая имеет полное право называться эффектом друзей и соседей в узком смысле этого слова. Однако для исследований странового уровня гораздо интереснее первая закономерность. Она связана с географией власти, под которой подразумевается доступ территориальных сообществ к центральной власти. В соответствии с логикой географии власти (географии представленности территориальных сообществ в общенациональной власти) люди склонны поддерживать партии, лидеры которых - их земляки (фактор землячества). Корреляционный анализ не позволяет установить эту закономерность. Важно, что вокруг кандидатов-земляков может происходить консолидация территориальных сообществ, то есть региональное измерение в этом случае начинает уравнивать и даже перевешивать социокультурное.

Еще один географический фактор, прямо связанный с региональным измерением, - *эффект соседства*. Он предполагает консолидацию территориального (локального) сообщества, которую в западных источниках также называют кластеризацией (не путать с политико-идеологической кластеризацией политических субъектов и географическими кластерами сторонников разных партий). Имеется в виду кластеризация как объединение различных социокультурных групп на выборах под влиянием соседских связей. Эти связи означают действие локального информационного поля (передачу информации "из уст в уста"). В соседских сообществах малые группы подтягиваются к доминирующим, находясь под их влиянием или просто им подражая (эффект соседства интересно изучать и с помощью политико-психологических исследований). На уровне более крупных сообществ эффект соседства означает не просто коммуникационный и/или поведенческий эффект, но формирование общей региональной идентичности, способствующей голосованию в логике артикулированного регионального интереса. Все это делает возможным "нетипичные" голосования социальных групп в связи с фактором территориальной солидарности.

Итак, эффект друзей и соседей может быть интерпретирован как фактор землячества, а эффект соседства - как фактор территориальной солидарности. Оба фактора имеют прямое отношение к региональному измерению электорального пространства в его идеально-типическом представлении.

Два других географических фактора имеют несколько иные интерпретации. *Эффект избирательной кампании* связывает итоги выборов с имевшим место на данных выборах распределением ресурсов. Там, где кампания оказалась более активной, был получен больший процент голосов. Этот эффект можно интерпретировать как организационный фактор, поскольку он напрямую связан с организацией кампании и региональной стратегией данной партии. Его следует отнести также на счет политических коммуникаций, поскольку именно их хорошая организация на местности подразумевает успех. Этот фактор действует ситуативно. Его можно связать с региональным измерением, но при этом обязательно разделив фундаментальные и ситуативные факторы. Фундаментальные факторы определены географией власти и региональной идентичностью. Организационные факторы ситуативны.

Наконец, четвертый фактор, на мой взгляд, все-таки ближе к социокультурному измерению или может рассматриваться как переходный. Это - *проблемное голосование*. Его смысл заключается в том, что партия получает преимущество там, где ее предвыборная программа в большей степени совпала с политическими требованиями избирателей. Однако восприятие тех или иных проблем соотносится с социальным составом населения. Ведь партии, разрабатывая свои программы, чаще ориентируются не на регионы, а на социальные группы.

При ориентации на регионы они пытаются воспользоваться эффектом соседства (апеллируя к региональной идентичности), эффектом друзей и соседей (привлекая в свои ряды выходцев из значимых регионов) или эффектом избирательной кампании (усиливая агитацию в значимых районах). Проблемное голосование в чистом виде будет отражать, скорее, социальную структуру территорий. С региональным измерением можно связать только часть проблемного голосования - если партия сознательно формулирует список проблем, актуальных для нужного ей региона. Но при таком подходе проблемное голосование смыкается с фактором территориальной солидарности, на которую рассчитывает партия.

Подводя итоги, замечу, что исследование региональных особенностей электорального процесса нужно начинать не с географии. Собственно региональное исследование должно быть обязательно основано на знаниях данного общества и его политической культуры, существующей политической системы и конкретной предвыборной ситуации. Отсюда - важность междисциплинарных исследований, поскольку только они способны произвести действительно полноценный анализ электорального процесса. Ведущую роль здесь играют методы политической социологии, прикладной политологии и отчасти - культурологии.

Перспективы электорально-географических исследований связаны с выходом за рамки изучения лишь электоральных результатов. Как было показано выше, электоральный процесс имеет циклический характер, в избирательные циклы включаются не только собственно выборы, но и межвыборные периоды, в течение которых могут меняться и сегментация, и партийная система, а кроме того, политические субъекты стремятся управлять структурой электорального пространства. Поэтому большое значение для региональных исследований имеет системный подход, восходящий к работам Д. Истона [Easton, 1965]. В соответствии с ним политическая система функционирует в рамках цикла "вход-конверсия-выход-обратная связь". П. Тэйлор показал это на примере электоральной системы, пытаясь приспособить системный подход к нуждам электоральной географии [Taylor, 1989]. Вход он связывает с географией голосований и географическим влиянием на голосования, конверсию - с географией представительства, выход - с географическими эффектами выборов, которые впоследствии создают обратную связь - попытки политиков бороться за поддержку определенных территорий.

На мой взгляд, исследование географических эффектов выборов имеет огромную эвристическую ценность, не позволяя исследователю "заикликоваться" на коротком про-

межутке собственно выборов и анализе сугубо предвыборной расстановки сил и итоговой электоральной статистики. Географический эффект выборов - география власти. После выборов происходит изменение структуры электорального пространства. В его региональном измерении определяются доминирующие центры, приближенные к власти (центры элитогенеза), и подчиненные периферии, от власти оттесненные. Важнейшее значение приобретает проблема доступа территориальных сообществ к общенациональной власти. Это требует изучения не только электоральной поддержки партий в регионах, но и представительства территориальных сообществ в сформированных в результате выборов органах власти (а также в рамках партийных фракций).

Далее, необходимо исследование обратной связи, то есть деятельности политических субъектов в межвыборный период. Прежде всего такое исследование должно быть связано с анализом политических стратегий - попыток политических субъектов управлять электоральным пространством (их следует называть региональными политическими стратегиями). Обычно используются стратегии двух типов - удержания полученного электората или его расширения за счет новых групп. Эти стратегии частично противоречат друг другу, поскольку привлечение новых групп и переключение на защиту их интересов может привести к потере "ядерного" электората. Однако партии, как правило, стремятся балансировать между этими двумя стратегиями, пытаясь сделать их взаимодополняющими или, по крайней мере, сочетать их элементы. Действительно, работа только на удержание электората означает стагнацию и постепенную эрозию поддержки. Стремление управлять электоральным пространством заставляет партию чаще прибегать к мобилизации избирателей по принципу их региональной принадлежности, чтобы выйти за рамки "традиционных" социальных групп. Партии могут привлекать в свои руководящие органы выходцев из важных регионов, рассчитывая на фактор землячества. Они могут усиливать организационную работу, создавать дееспособные партийные ячейки, чтобы на выборах в их пользу сработал эффект избирательной кампании. Возможны попытки адресной работы с консолидированными территориальными сообществами и их проблемными полями, чтобы сработал фактор территориальной солидарности и/или на данной территории произошло проблемное голосование.

Таким образом, теория и методология региональных исследований электорального процесса нуждаются в дальнейшей разработке, а также в апробации методов. Я же попытался определить общий контур, рамку таких исследований. Ясно, что они имеют междисциплинарный характер и необходима дальнейшая интеграция подходов различных наук для получения максимально точного представления об электоральных процессах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997.
Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Смоленск, 1999.
Agnew J. Place and Politics. The Geographical Mediation of State and Society. Boston, 1987.
Almond G. A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.
Centre and Periphery. Beverly Hills-London, 1980.
Easton D. A System Analysis of Political Life. New York, 1965.
Gudgin G., Taylor P. Seats, Votes and the Spatial Organisation of Elections. London, 1979.
Hagerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago, 1967.
Rokkan S. Citizens, Elections, Parties. New York, 1970.
Rokkan S. Economy, Territory, Identity. Beverly Hills, 1983.
Rokkan S., Lipset M. S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction // Party Systems and Voter Alignments. New York, 1967.
Taylor P. J. Political Geography. World-economy, Nation-state and Locality. London, 1989.
Taylor P. J., Johnston R. J. Geography of Elections. London, 1979.
The Civic Culture Revisited. Boston-Toronto, 1989.
Wallerstein I. The Capitalist World-economy. Cambridge, 1979.